

**Анкета участника Международного конкурса сочинений
«Без срока давности» 2025/26 учебного года**
(заполняется в формате (.docx))

Субъект Российской Федерации / государство, на территории которого располагается школа МИД / страна СНГ	РФ
Муниципальное образование (при наличии)	МКОУ «КГОВ им. А.С. Пушкина»
Образовательная организация, в которой обучается участник Конкурса	МКОУ «КГОВ им. А.С. Пушкина»
Ф.И.О. (полностью) участника Конкурса	Исламова Милана Исламовна
Класс (курс) обучения участника Конкурса	10 А
Дата рождения участника Конкурса	18.11.2009
Выбранное Тематическое направление	трагедия моей семьи в годы ВОВ
Тема сочинения	трагедия моей семьи
Ссылки на использованные в сочинении источники: архивные материалы, фото- и видеодокументы и др.	-
Электронная почта участника Конкурса (родителей / законных представителей)	islamoramilana90@gmail.com
Контактный телефон участника Конкурса (родителей / законных представителей)	8(903) 424-64-82
Участие в общественных организациях, движениях (при наличии)	РДШ «Большая дружба»

наличии)	
Участие в мероприятиях проекта «Без срока давности» (указать, где и когда принимал участие и достижения (если есть))	
Подписка на социальные сети проекта «Без срока давности»: https://vk.com/bezsrokadavnosti https://t.me/bezsrokadavnosti (если есть, указать группу)	☒ https://vk.com/bezsrokadavnosti ☐ https://t.me/bezsrokadavnosti
Ф.И.О. (полностью) педагога-наставника (учителя, обеспечивающего педагогическое сопровождение участника Конкурса)	Франшикова Елена Степановна
Должность педагога-наставника	учитель рус. языка и литературы
Участие педагога-наставника в мероприятиях проекта «Без срока давности» (указать, где и когда принимал участие и достижения (если есть))	2 место в конкурсе (лучший этап), Франшикова Елена, 5 кл
Электронная почта педагога-наставника	franikova87@mailbk.ru
Контактный телефон педагога-наставника	9604111788

Сочинение

22 мая 1941 года.

Сегодня утром прилетел стриж и сел на наш подоконник. Он смотрел на меня своими бусинками-глазками, а потом улетел. Мама сказала, что это к счастью. У меня был день рождения. Мне подарили мяч, деревянного лося, которого выстругал дедушка, и эту толстую серую книжку. Папа сказал, что это для важных записей. Я спросил, какие записи являются важными. Он улыбнулся и ответил: «Те, которые ты захочешь помнить всегда». Я хочу помнить всегда, как мы ели торт с вареньем, и как солнце светило в столовой, и как смеялась моя сестрёнка Таня, когда я надул мыльный пузырь, и он сел ей на нос. Она старше меня, ей уже девять, и она всегда говорит, что я маленький. А я не маленький. Мне уже шесть.

15 июня 1941 года.

Мы с папой ходили на реку. Он учил меня плавать. Вода была холодная, но потом стало тепло. Папа держал меня за живот, а я барахтался руками и ногами, как лягушонок. Потом мы лежали на траве и смотрели на облака. Одно облако было очень похоже на нашего лося. Папа курил трубку, и запах был такой тёплый и добрый. Он сказал, что осенью мы поедем в Москву, в зоопарк. Я никогда не был в зоопарке. Я очень хочу увидеть живого слона. Таня говорит, что он огромный, как дом, и у него длинный нос, которым он может поднять даже человека. Я бы не дался.

23 июня 1941 года.

Что-то случилось. Вчера, в воскресенье, было очень шумно. Сначала я подумал, что это гроза, но небо было чистое. Потом прибежал папа, он был бледный, какой-то не такой. Он схватил маму за руку, и они стали быстро говорить, а потом мама заплакала. Из репродуктора, чёрной тарелки на кухне, говорил голос, строгий-строгий. Говорил про войну. Я не совсем понимаю, что это. Таня сказала, что это когда одни люди стреляют в других. Зачем? Папа стал складывать какие-то вещи в рюкзак. Он надел свою старую шинель, поцеловал нас всех очень крепко и ушёл. Мама стояла у двери и не плакала, просто смотрела в одну точку. Я спросил, когда папа вернётся. Она ответила: «Скоро. Как разгромим фашистов». Вечером мы пошли

к дедушке. У него тоже все были какие-то испуганные. По улице ехали грузовики с солдатами. Они пели песню. Но пели они не весело.

30 июня 1941 года.

Грохот почти не прекращается. Иногда окна дребезжат так, что кажется, вот-вот вывалятся. Мы почти не выходим из дома. Мама ходила в магазин, сказала, что там всё раскупили. Она принесла немного гороха и сухарей. Мы живём в подвале. Дедушка говорит, что так безопаснее. Таня рисует на полях моей книжки. Нарисовала нашу кошку Мурку. Мурка куда-то пропала два дня назад. Может, испугалась грома. Только это не гром. Мама говорит, что это бомбы. Они падают с самолётов, на которых нарисованы чёрные кресты. Зачем они бросают бомбы на наши дома? Разве наши дома им сделали что-то плохое?

15 июля 1941 года.

Мы не поехали в Москву. В наш дом попала бомба. Не прямо в дом, а рядом, во двор. Все стёкла выбило. Мы с дедом забили окна фанерой, и теперь в комнатах всегда темно, даже днём. Пришли чужие солдаты. Они в серой форме, не как наша. Говорят, на ломаном языке, кричат много. Один из них зашёл к нам, посмотрел по сторонам, взял со стола дедушкины часы и ушёл. Дедушка ничего не сказал, только сжал кулаки. Мама шепчет нам, чтобы мы сидели тихо и не высывались. Я стараюсь.

5 августа 1941 года.

Стало очень холодно. На улице лето, а в подвале дует откуда-то. Еды почти нет. Мама варит суп из крапивы и какой-то травы. Хлеб дают по маленькому кусочку, он тёмный, липкий и невкусный. Таня всё время хочет есть. Она похудела, щёки впали, глаза стали большими. Сегодня я увидел, как мама отдала ей свой хлеб и сказала, что она уже поела. Но я знаю, что она не ела. Я спрятал свой кусочек и хотел отдать ей потом, но не удержался и сам съел. Мне сейчас так стыдно, что я плачу. Но я правда очень хотел есть.

20 августа 1941 года.

Сегодня случилось что-то страшное. Мы с мамой пошли искать еду. Прошли к соседнему дому, где раньше жила тётя Катя. Её дома нет, она уехала ещё в начале лета. Мама думала, что в её огороде могла остаться картошка. Мы шли по улице, и вдруг из подворотни вышли двое солдат в серых мундирах. Они что-то крикнули

маме. Мама меня толкнула за спину и сказала: «Беги домой, Лёва, беги!» Я испугался и побежал. Оглянулся один раз. Один солдат держал маму за руку, а второй смеялся. Я прибежал в подвал и рассказал всё деду. Дедушка побледнел, схватил свою палку и хотел выйти, но его остановила бабушка. Она сказала: «Куда ты? Убьют!» Мы сидели и молчали. Таня плакала. Мама вернулась только вечером. Она шла очень медленно, волоча ноги. Платье на ней было порвано, волосы растрёпаны. Она ни на кого не смотрела, прошла в угол, села на пол и закачалась. Я подошёл к ней и потрогал её руку. Она дёрнулась, как от огня, и закричала: «Не трогай меня! Не подходи!» Я никогда не слышал, чтобы мама так кричала. Она всегда была такой тихой и ласковой. Я не понимаю, что они с ней сделали. Но мне кажется, что это было что-то ужасное. Что-то, что сломало её.

10 сентября 1941 года.

Мама почти не встаёт. Она лежит и смотрит в потолок. Иногда она что-то шепчет, но я не могу разобрать слов. Бабушка пытается её кормить, но мама почти ничего не ест. Она отдаёт свою еду нам. Дедушка говорит, что надо уходить из города. Но куда? Со всех сторон немцы. Сегодня днём был сильный шум на улице. Мы выглянули из подвала. По главной улице гнали людей. Очень много людей. Они шли медленно, некоторые падали. А солдаты кричали на них и подталкивали прикладами. Дедушка прошептал: «В гетто». Я спросил, что это такое. Он ответил, что это такое место, где теперь должны жить евреи. А мы евреи? Дедушка кивнул. Значит, и нас туда? Он снова кивнул и закрыл лицо руками. Мы не пошли. Потому что мама не может идти. Что с нами будет?

25 сентября 1941 года.

Холодно. Еды нет совсем. Бабушка сегодня не встала. Дедушка сидит рядом с ней и держит её за руку. Он говорит, что она уснула. Но она спит уже целый день и не просыпается. Её дыхание тихое-тихое. Таня плачет. Я тоже хочу плакать, но слёзы не идут. Внутри всё сжалось в комок. Я вспомнил, как бабушка пекла блины. Такие тонкие, с малиновым вареньем. Я бы сейчас съел хоть один. Даже крошку.

30 сентября 1941 года.

*Бабушка так и не проснулась. Дедушка говорит, что она умерла. От голода. Мы завернули её в старое одеяло. Дедушка и ещё двое мужчин из нашего дома отнесли её куда-то. Дедушка вернулся один, сел на ступеньки и долго-долго сидел, не

двигаясь. Теперь у нас остались только дедушка, мама, Таня и я. Мама сегодня встала. Она подошла к нам, обняла и сказала: «Надо жить. Надо». Но как жить, когда внутри такая пустота?

15 октября 1941 года.

Снег. Он шёл всю ночь. В подвале стало ещё холоднее. Мы жмёмся друг к другу, чтобы согреться. Дедушка отдал мне свой старый свитер. Он такой большой, что на мне он как платье. Рукава длинные, я их заворачиваю. Но в нём тепло. Сегодня дедушка ушёл и принёс нам кусок замороженной свёклы. Мы ели её, как яблоко. Она была сладкая и холодная. Дедушка сказал, что нашёл её на опустевшем поле. Я видел, что у него на руках ссадины. Он, наверное, долго копал мёрзлую землю.

10 декабря 1941 года.

Случилось то, о чём даже писать страшно. Но я должен. Мама сказала, что важные вещи надо запомнить. Дедушка не вставал три дня. Он только пил воду. Сегодня утром он позвал маму, они о чём-то долго говорили. Потом мама вышла из угла, где он лежал, и лицо у неё было каменное. Она сказала нам с Таней: «Дедушка уснул. Как бабушка. Вы не должны подходить к нему». Потом она ушла. Вернулась она вечером не одна, с каким-то мужчиной. Они унесли дедушку, завернутого в то же одеяло, что и бабушку. В подвале стало пусто и очень тихо. Теперь нас только трое.

Позже ночью я проснулся от странного звука. Мама стояла у печки-буржуйки, которую мы сложили из кирпичей, и что-то готовила. Пахло странно. Не так, как раньше пахла еда. Пахло жареным мясом. Но откуда у нас мясо? Все собаки и кошки давно пропали. Мама подозвала нас и дала нам по маленькому кусочку на жестяной тарелке. Она сказала: «Ешьте. Это нужно. Чтобы выжить». Она сама не ела. Смотрела на нас, и слёзы текли у неё по лицу, но она не издавала ни звука. Я съел. Было солёно от её слёз. Таня съела и спросила: «Мама, а что это?» Мама ответила шёпотом: «Это подарок дедушки. Его последний подарок. Больше не спрашивайте. Никогда».

20 января 1942 года.

Таня ослабла. Она почти всё время спит. Когда просыпается, то просто лежит и смотрит в одну точку. Мама пытается её кормить, но Таня отворачивается. Сегодня она прошептала: «Я хочу к бабушке». Мама заплакала и сказала: «Нет, детка, нет. Ты

должна быть со мной». Я держу Танину руку. Она такая холодная и тонкая, как веточка.

25 января 1942 года.

Таня не проснулась сегодня утром. Мама трясла её, звала, но она не открыла глаза. Она была такая же тихая и спокойная, как бабушка тогда. Мама закутала её в своё пальто и просидела рядом весь день. Не плакала. Просто сидела. Потом пришли те же люди, что уносили дедушку. Они забрали и Таню

20 февраля 1942 года.

Мама сегодня утром не смогла встать. Она лежит и дышит очень редко. Я прижался к ней, чтобы ей было теплее. Она прошептала: «Лёвочка... моё солнышко... прости меня...» За что ей меня просить? Я сказал ей: «Я люблю тебя, мама». Она улыбнулась. Такой улыбки у неё не было очень давно. Потом она закрыла глаза и затихла. Я долго лежал рядом и слушал тишину. Её дыхания больше не было. Теперь я один.

27 апреля 1945 года.

Я один в этом подвале. Холодно. Есть нечего. Я выхожу на улицу и ищу что-нибудь съедобное. Иногда нахожу замёрзшую картофелину или кочерыжку от капусты. Один раз нашёл мёрзлую ворону. Она была жёсткая, как камень. Я принёс её в подвал и долго грыз. Сегодня ко мне подошла женщина, она дала мне кусок хлеба. Она посмотрела на меня такими грустными глазами, как мама перед тем, как уснуть. Спросила, где мои родители. Я сказал, что они спят. Она заплакала и ушла. Я не понимаю, почему все плачут, когда я говорю правду.

1 мая 1945 года.

Меня забрали. Пришли двое солдат в сером, сказали, что всех оставшихся детей отправляют в «лагерь для неполноценных». Это где-то за городом. Они привели меня в большой дом, который раньше был школой. Теперь здесь комендатура. В одной из комнат сидел офицер, толстый, с красным лицом. Он оглядел меня и сказал что-то другому солдату. Тот смеялся. Потом они повели меня в другую комнату, пустую, с голыми стенами. Они сказали раздеться. Мне было очень холодно и страшно. Я попытался сопротивляться, закричал, тогда один из них ударил меня по лицу, а другой схватил за руку и с силой дёрнул. Я услышал хруст и дикую боль — моя рука повисла, как плеть. Я закричал ещё сильнее. Они продолжали смеяться. Потом они

повалили меня на холодный пол. Они били меня сапогами, шутили над моим худым телом. Я плакал и звал маму, хотя знал, что она уже не придёт. Вдруг откуда-то снаружи, сначала издали, а потом всё ближе, донёсся страшный грохот, автоматные очереди, крики «Ура!». Солдаты в сером замерли, их смех оборвался. Они бросились к окну, и на их лицах был уже не смех, а паника. В следующую секунду дверь в комнату с грохотом распахнулась, и внутрь ворвались люди в зелёном «Свои!» — закричал кто-то с улицы. Последовало несколько коротких выстрелов. Серые фигуры упали. Ко мне подбежал солдат с уставшим, закопчённым лицом. Он снял с себя шинель и закутал меня, осторожно, словно я был хрустальный. «Всё, сынок, всё. Теперь всё», — сказал он хриплым голосом. Боль в руке и ногах была невыносимой, но сквозь неё я чувствовал, как что-то тяжёлое и чёрное, что сидело во мне всю зиму, наконец-то сдвинулось с места и пошло трещинами.

9 мая 1945 года.

Сегодня объявили, что война закончилась. Полная победа. Я нахожусь в госпитале, моя рука давно срослась, шрамы на ногах затянулись. На улице творилось что-то невообразимое. Не было салютов, но была тишина. Та самая, настоящая, без грохота и выстрелов. А потом её сменил шум — но это был шум жизни. Люди выходили из подвалов и землянок, обнимались, плакали. Плакали не от горя, а от счастья, от того, что остались живы. Кто-то пел, кто-то плясал прямо на улице. Ко мне подошла медсестра, обняла и сказала: «Поздравляю, Лёва, с Победой». Я смотрел в окно на эти ликующие, исхудалые лица и думал о маме, о Тане, о бабушке, о папе, который так и не вернулся. Они не увидели этого дня. Они отдали за него всё. И я понял, зачем я должен был выжить. Чтобы помнить их. Чтобы этот день для кого-то настал. Чтобы рассказать всем. Всё, что я видел. Всё, что помню. Я открываю свою толстую серую книжку и пишу. Это моя важная запись. Самая важная.

22 мая 1941 года

Водня утром прилетел стриж и сел на наш подоконник. Он смотрел на меня своими булавками-нозками, а потом улетел. Мама сказала, что это к счастью. У меня был день рождения. Мне подарил маму, деревянную лося, которую выстукала бабушка, и эту толстую серую книжку. Папа сказал, что это для важных записей. Я спросил, какие записи являются важными. Он улыбнулся и ответил: „Тте, которые ты захочешь помнить всегда!“ Я хочу помнить всегда, как мы ели торт с вареньем, и как солнце светило в столовой, и как смеялась моя сестренка Таня, когда я надул мыльный пузырь, и он сел ей на нос. Она старше меня, ей уже девять, и она всегда говорит, что я маленький. Я же не маленький. Мне уже шесть.

15 июня 1941 года

Мы с папой ходим на реку. Он учит меня плавать. Вода была холодной, но потом стало тепло. Папа держал меня за живот, а я борозтил ее руками и ногами, как лягушонок. Потом мы лежали на траве и смотрели на облака. Одно облако было очень похоже на камню лося. Папа курит трубку, и запах был такой теплый и добрый. Он сказал, что осенью мы поедем в Москву, в зоопарк. Я никогда не был в зоопарке. Я очень хочу увидеть живого слона. Папа говорит, что он огромный, как дом, и у него длинный нос, которым он может поднять даже человека. Я бы не дался.

23 июня 1941 года

Что-то случилось. Вера, в воскресенье, было шумно. Ста-
ла, я подумал, что это гроза, но небо было тихое. По-
том прибежал папа, он был бледный, какой-то не такой.
Он схватил маму за руку, и они стали быстро говорить, а
потом мама заплакала. Из репродуктора, тёплой тарелки
на кухне, говорил голос, страшный-страшный. Говорил про вой-
ну. Я не совсем понимаю, что это. Таня сказала, что это
когда одни стреляют в других. Зачем? Таня стала скла-
дывать какие-то вещи в рюкзак. Он надел свою старую ш-
нель, поцеловал нас всех очень крепко и ушёл. Мама стоя-
ла у двери и не плакала, просто смотрела в одну точку. Я
спросил, когда папа вернётся. Она ответила... "Скоро. Как
разгромим фашистов!" Вечером мы поехали к дедушке. Уне-
го тоже все было какие-то непонятные. То уличные ехали
грузовики. Они нам несли. Но нам они не весело.

30 июня 1941 года

Фронт почти не прекращается. Иногда окна гребе-
жат так, что кажется, вот-вот вывалится. Мы поч-
ти не выходим из дома. Мама ходила в магазин, ска-
зала, что там всё раскупили. Она принесла немного кро-
шек и сухарей. Мы живём в подвале. Дедушка говорит,
что так безопасно. Таня рисует на стене моей комна-
ты. Кариевала нашу кошку Мурку. Мама говорит, что
это бомбы. Они падают с самолётов, на которых нарисо-
ваны тёплые кресты. Зачем они бросают бомбы в наши
дома? Разве наши дома мы сделали что-то плохое?

15 июня 1941 года

Мы не едем в Москву. В наш дом попала бомба. Не
прямо в дом, а рядом, во двор. Все стёкла выбило. Мы с дедом
забили окна фанерой, и теперь в комнате всегда тепло,
даже днём. Принесли куртки солдатам. Один из них зашёл

к нам, посмотрел по сторонам, взял со стола дедушкины тары и ушёл. Дедушка ничего не сказал, только стал кулаки. Мама шепчет нам, чтобы мы сидели тихо и не высовывались. Я стараюсь.

5 августа 1941 года

Стало очень холодно. На улице лето, а в подвале дует откуда-то. Еды почти нет. Мама варит суп из крапивы и какой-то травы. Лёб даёт по маленькому кусочку, он тёмный, липкий и невкусный. Таня всё время хочет есть. Она посажена, шёрки внаши, глаза стали большими. Сегодня я увидел, как мама отдала ей свой хлеб и сказала, что она уже поела. Но я знаю, что она ела. Я спрятав свой кусочек и хотел отдать маме потом, но не удержался и сам съел. Мне сейчас так стыдно, что я плачу. Но я правда очень хотел есть.

20 августа 1941 года

Сегодня случилось что-то страшное. Мы с мамой пошли искать еду. Пошли к соседнему дому, где раньше жила тётя Катя. Её дома нет, она уехала ещё в начале лета. Мама думала, что в её городе могла остаться картонка. Мы шли по улице, и вдруг из подворотни вышли двое солдат в серых шинелях. Они что-то крикнули маме. Мама меня толкнула за спину и сказала: „Беги домой. Лёва, беги!“ Я испулился и побежал. Они пули один раз. Один солдат держал маму за руку, а второй шелея. Я прибежал в подвал и рассказал всё деду. Дедушка побегнул, сватили папку и хотел выйти, но остановила бабушка. Она сказала: „Куда ты? Убьют!“ Мы сидим и молчим. Таня плакала. Мама вернулась только вечером. Она шла очень медленно. Волосы мои. Таня не пошла спать. а волосы

похоронены. Она ни на кого не смотрела, прошла в угол, села на пол и закачалась. Я подошёл к ней и потрогал её руку. Она дернулась, как от огня, и закрылась: „Не трогай меня! Не трогай!“ Я никогда не слышал, чтобы мама так кричала. Она всегда была такой тихой и ласковой. Я не понимаю, что они с ней сделали. Но мне кажется, что это было что-то ужасное. Что-то, что слышало её.

10 сентября 1941 года

Мама почти не встаёт, она лежит и смотрит в потолок. Иногда она что-то шепчет, но я не могу разобрать слов. Бабушка пытается её кормить, но мама почти ничего не ест. Она отдаёт свою еду нам. Дедушка говорит, что надо уходить из города, но куда? Со всех сторон немцы. Сегодня днём был сильный шум на улице. Мы вылезли из подвала. По главной улице шли люди. Очень много людей. Они шли медленно, некоторые падали. А солдаты кричали на них и подталкивали прикладами. Дедушка прошептал: „В гетто!“ Я спросил, что это такое. Он ответил, что это такое место, где должны жить евреи. А мы евреи? Дедушка кивнул. Значит, и нас туда? Он снова кивнул и закрыл лицо руками. Мы не пошли. Потому что мама не может идти. Что с нами будет?

25 сентября 1941 года

Колодце. Еды нет совсем. Бабушка сегодня не встала. Дедушка сидит рядом с ней и держит её за руку. Он говорит, что она уснула. Но она спит уже целый день и не просыпается. Её дыхание тихое-тихое. Мама плачет. Я тоже хочу плакать, но слёзы не идут. Внутри всё скисло в комочек. Я вспоминаю, как бабушка пекла блины. Такие тонкие и пышные и в масле. Я бы ей дал съесть хоть один. Да-

же крошки.

30 сентября 1941 года

Бабушка так и не проснулась. Дедушка говорит, что она умерла. От голода. Мы завернули её в старое одеяло. Дедушка вернулся один, сел на ступеньки и долго-долго сидел, не дышал. Теперь у нас остались только дедушка, мама, Таня и я. Мама сегодня встала. Она подошла к нам, обняла и сказала: „Надо жить. Надо.“ Но как жить, когда внутри такая пустота?

15 октября 1941 года

Снег. Он шёл всю ночь. В подвале стало ещё холоднее. Мы лепили друг к другу, чтобы согреться. Дедушка отдал мне свой старый свитер. Он такой большой, что на мне он как плащ. Рукава длинные, я их заворачиваю. Но в нём тепло. Сегодня дедушка ушёл и принёс нам курок замороженной свёклы. Мы ели её, как яблоко. Она была сладкая и холодная. Дедушка сказал, что принёс её на огузевшем поле. Я видел, что у него на руках садыны. Он, наверное, долго копал мерзлую землю.

10 декабря 1941 года

Случилось то, о чём даже писать страшно. Но я должен. Мама сказала, что важные вещи надо запомнить. Дедушка не вставал три дня. Он только пил воду. Сегодня утром он позвал маму, они о чём-то долго говорили. Потом вышла цуцла, где он лежал, и мы поехали к маме. Она позвала нас с Таней: „Дедушка ушёл. Как бабушка. Вы не должны подходить к нему.“ Потом она ушла. Вернулась она вечером не одна, с какими-то мушкетёрами. Они унесли дедушку, завернули в то же одеяло, что и бабушку. В подвале стало пусто и очень тихо. Теперь нас только трое.

Позже ночью я проснулся от странного звука. Мама стояла

ля у пелен-буржуйки, которую мы съели из куршмей, и
что-то готовила. Было странно. Не так, как раньше была
еда. Было жареным мясом. Но откуда у нас мясо? Все со-
баки и кошки давно пропали. Мама подозвала нас и да-
ла нам по маленькому кусочку на жестяной тарелке. Она
сказала: „Ешьте, это нужно. Чтобы выжить“. Она сама не
ела. Выглядела на нас, и слезы текли у нее по лицу, но она
не издавала ни звука. Я ел. Было солено от ее слез. Таня
села и спросила: „Мама, а что это?“ Мама ответила
шёпотом: „Это подарок бабушки. Его последний подарок.
Больше не спрашивайте. Никогда“

20 января 1942 года

Таня ослепла. Она почти всё время спит. Когда про-
снется, то просто лежит и смотрит в одну точку. Ма-
ма пытается её кормить, но Таня отворачивается. Рано-
че она прошептала: „Я хочу к бабушке“. Мама заплака-
ла и сказала: „Нет, детка, нет. Ты должна быть со мной.“
Я держу Таню за руку. Она такая холодная и тонкая,
как веточка.

25 января 1942 года

Таня не проснулась сегодня утром. Мама трясла её,
звала, но она не открыла глаза. Она была такая же
тихая и спокойная, как бабушка тогда. Мама закута-
ла её в своё пальто и провела рядом весь день. Не пла-
кала. Просто сидела. Потом пришли те же люди, что уно-
сили бабушку. Они забрали и Таню.

20 февраля 1942 года

Мама сегодня не смогла встать. Она лежит и дышит
очень редко. Я пришла к ней, чтобы ей было теплее. Она
прошептала: „Девочка... мое солнышко... прости меня...“
За что ей меня прости? Я сказал ей: „Я люблю тебя, ма-“

ма". Она улыбнулась. Такой улыбки у неё не было очень давно. Потом она закрыла глаза и затихла. Я долго лежал рядом и слушал тишину. Её дыхание больше не было. Теперь я один

27 апреля 1945 года

Я один в этом подвале. Холодно. Есть печенки. Я выхожу на улицу и вижу что-нибудь съедобное. Иногда нахожу замёрзшую картошку или когерьинку от кокусты. Один раз нашла замёрзшую ворону. Она была жесткая, как камень. Я принес её в подвал и долго улиз. Сегодня ко мне подошла женщина, она дала мне кусок хлеба. Она посмотрела на меня такими грустными глазами, как мама перед тем, как уехать. Вспомнила, где мои родители. Я сказал, что спят. Она затихла и ушла. Я не понимаю, почему все так, когда я говорю правду.

1 мая 1945

Меня забрали. Фирми двое солдат в сером, сказали, что всех детей отправляют в "конюхню для неконкоцезных". Это где-то за городом. Они привели меня в большой дом, который раньше был школой. Теперь здесь камендатура. В одной из комнат сидел офицер, толстый, с кровяным лицом. Он пошел ко мне и сказал что-то другому солдату. Тот смеялся. Потом они повели меня в другую комнату, пустую, с толстыми стенами. Они сказали раздеться. Мне было очень холодно и страшно. Я попытался сопротивляться, закрылся, тогда один из них ударил меня по лицу, а другой схватился за руку и с силой держал её. Я услышал хруст и дикуто боль - моя рука повисла, как плеть. Я закрылся ещё сильнее. Они продолжали смеяться. Потом они повалили меня на холодный пол. Они были мне сокогами, шептали над моим худым телом. Я плакал и звал маму, хотя знал, что она уже не плаёт. Вернусь откуда-то она -

руки, сначала шуршалка, а потом всё ближе, дойдем
страшный грохот, автоматные очереди, крики "Ура!"
Волонтеры врань замерли, не смея оборваться. Они бросились к
окну, и на их лицах было уже не смех, а паника. В следующую
секунду дверь в комнату с грохотом распахнулась, и вышло
Валеро люди в зелёном. "Свай!" - закрылся кто-то с шум-
ком. Последовало несколько коротких выстрелов, белые фигу-
ры упали. Ко мне подбежал солдат с уставшим, захоп-
тённым лицом. Он ел с себя шинель и закутал мне,
осторожно, словно я был хрустальный. "Всё, сынок, всё.
Теперь всё," - сказал он хриплым голосом. Боль в руке и ко-
гда была невыносимой, поскольку не я чувствовал, как что-
то тяжёлое и тёрное, что сидело во мне всю зиму, наконец-то сорву-
лось с места и пошло трещинами

9 мая 1945 года.

Сегодня объявили, что война закончилась. Большая победа. Я находился
в госпитале, моя рука давно распухла, шуршалка когда-то замолчала. Но у ш-
уршалки появилось что-то новоеобразное. Не было сапогов, но была шинель
на. Это самая, как там пишут, без грехов и восторгов. А потом её
сменил шуршалка - ко это был шум жизни. Люди выскочили из пог-
релов и землянок, обнимали друг друга, плакали. Плакали не от
горя, а от счастья, от того, что остались живы. Кто-то
шел, кто-то плелся прямо на шуршалку. Ко мне подошла
медсестра, обняла и сказала: "Поздравляю, Левас Победой!"
Я смотрел в окно на эти микроточки, микроточные лица и гу-
ман о маме, об отце, о дедушке, о папе, который так и не
вернулся. Они не увидели этого дня. Они отравили за него всё. И я по-
нял, зачем я должен был выжить. Чтобы поздравить их. Чтобы
этот день для кого-то настал. Чтобы рассказать всем. Всё, что я
видел. Всё, что слышал. Хотел бы свою толстую сдурную книжку
и шуршалку. Это мое важное задание. Самое важное